

Кажется, я уже достаточно намекал на это, но основополагающая истина такова: будь ты человеком или монстром, хорошим или плохим, день это или ночь, никому не нравится смотреть, как с другими случается несчастье. Я прекрасно понимал, жизнь в школе, начиная с сегодняшнего дня, станет отвратной. Я буду вынужден сидеть и наблюдать за одноклассниками, которые выказывают к ней еще более мерзкое отношение, чем было до этого. И я должен не позволить кому бы то ни было заметить, насколько мне некомфортно.

Я это понимал и заранее подготовился, но вся моя решимость, собранная ради этого дня, ударилась о реальность – реальность, оказавшейся намного хуже того, что я мог себе представить.

Все пошло наперекосяк в тот момент, когда я вошел в класс утром. Внутри уже находился Мотода, что, наверное, не являлось таким уж странным. Может, у его тренера были дела, а это значило отсутствие утренней тренировки. Мое внимание привлекли девушки, окружившие одну из парт – Накагавы. Я увел взгляд, наполовину из вежливости, и задался вопросом о том, что могло произойти, – Накагава сидела за своей партой и плакала.

Перво-наперво я подумал, что она разошлась со своим парнем или что-то вроде того. Милое личико вкупе с красивым телом делало ее популярной среди парней в нашем классе. Многие переживали, что ей могли изменить. Заплаканное лицо сильно разнилось с тем видом, когда в тот день она смотрела на Игучи, словно та была тараканом.

Только когда Яно пришла в школу, я понял, что ситуация явно не простая.

Она зашла в класс также, как делала это каждый день, со своим: «Доброе... утро». Несмотря на вчерашний странный инцидент, она направилась к своей парте, когда на нее никто не отреагировал, – что случалось всегда.

Яно была сама собой. А вот остальные – нет.

Парта Накагавы располагалась в передней части класса. Когда Яно прошла мимо них, Мотода ударил ей по затылку пустой пластиковой бутылкой.

— Эй, — сказал он.

Удар вышел намного мягче, нежели вчерашний шлепок, но его вполне хватило, чтобы класс застыл; все взгляды обратились на них.

Яно повернулась к нему, озадаченная сразу обращенным к ней голосом и неожиданным ударом. Все и так знали, сколько вытворил Мотода с ней, но никто, включая его самого, никогда не поднимал на нее руку.

Даже не зная динамику класса, с первого же взгляда на них становилось очевидно, как один

превосходил другого одним лишь своим ростом.

Напряжение в классе возросло. Каждый думал, что конкретно произойдет дальше. Первым заговорил Мотода:

— Это ведь ты, да?

Понятие не имею, к чему он это. Яно склонила голову набок в том же незнании.

— Я... что?

Ее странноватая манера речи лишь разозлила народ.

— Ты разорвала обувь Накагавы и выбросила их во двор? В отместку за вчерашнее.

«Это правда?», - задался я вопросом. Со своего места я бросил взгляд на ноги Накагавы и только тогда заметил коричневые тапки.

— Не шути со мной, — проговорил Мотода.

Внутри Мотода - корень опасной остроты в голосе - горело не чувство справедливости или праведный гнев из-за Накагавы. И это даже не было презрение... нет, это читаемое, простое желание. Желание навредить Яно. Думаю, мы все это поняли - только для нашего класса это мало что значило.

Будь у меня совет для нее, мне бы хотелось дать его до случившегося. Может быть, мне стоило сделать это прошлой ночью. Я мог бы сказать ей, что следует поправить выражение лица, когда тебе говорят нечто подобное. Если бы она качнула головой из стороны в сторону в смиренном отрицании и с напряженным взглядом, тогда ее бы пронесло. По крайней мере, до тех пор, пока у остальных не нашлось доказательств поступка, они бы немедля успокоились.

Так зачем она делает такое выражение лица?

— Я ничего... не знаю об этом, — сказала она с наглой ухмылкой, далекой от отрицания.

— Повтори-ка?

— Я-я-я... не-е-е-е зна-а-а-аю... ни-и-и-и-и-че-е-е-его... об этом, — повторила она, протягивая каждое слово, будто он не услышал ее.

Затем она развернулась и с самодовольной ухмылкой пошла к своей парте.

Может, она верила, что улыбка на лице, – это своего рода стопроцентная техника найти себе друзей. Может, ее искаженное мышление внушило, что, если она будет постоянно улыбаться и смеяться, остальные потянутся к ней.

Если это так, мне следует открыть ей правду: нет, она ошибается. Если продолжать улыбаться человеку, которому эта улыбка совсем не сдалась, он это воспримет в совершенно ином ключе.

Все из-за ее выражения лица.

— Сотри эту свою гребанную улыбку, — прорычал Мотода, взяв прямоугольный стиратель для доски в руку. — Мерзкая девчонка!..

Он назвал ее по-настоящему дурацким прозвищем.

А затем, без капли колебаний, швырнул стиратель в нее. К счастью, по затылку ей ударила мягкая сторона. Она упала на пол, а люди поблизости вскочили с мест, будто перед ними пролетела дохлая муха. Этот предмет все же столкнулся с Яно.

— Уа! — произнесла Яно, поднеся руку к голове.

Но даже после того, как она заняла свое место, ухмылка не спадала с ее лица.

Смотря на это, я испугался. Как это вообще возможно, улыбаться даже в такие моменты? Так она просто демонстрировала упрямство или что-то вроде этого?

Больше этим утром с Яно ничего не вытворяли. До прихода учителя весь класс обсуждал обувь Накагавы – она все еще плакала, – но виновник найден не будет, поэтому она проведет весь день в тапочках для посетителей.

Подобрал стиратель с пола наш учитель, который затем поругал нас:

— Кто это сделал? Возвращайте вещи на места, когда берете.

Я смотрел на это и задался вопросом, кто бы осмелился подобрать стиратель, когда никто не хотел даже говорить, кто его бросил.

Класс единогласно признал в Яно виновника в инциденте с обувью. Естественно, истину я не знал, поэтому не мог ни согласиться, ни опровергнуть обвинения. Я просто двигался в общем потоке.

Во время физкультуры по другую сторону сетки - в это время спортивный зал поделили пополам - Накагава и другие девушки ополчились на Яно. Игрой на сегодня стали вышибалы, и она стала целью непрекращающихся сильных бросков. Но что я мог сделать? Не было никакого смысла заикливаться на этом. Или переживать об Игучи, которая с отчаянием наблюдала за девушками. Я должен думать о чем-то более полезном.

Покончив с обедом днем, мы с Касаем пошли мыть руки в уборную, когда остальные направились на поле.

— О, кстати, Мотода серьезно собирается пытаться словить кайдзю? — спросил его, будто только об этом вспомнив.

Мотода сейчас сопел в классе, возможно, хотел пополнить энергию для клуба позже.

Касай улыбнулся.

— Так он сказал, но идиот есть идиот. Теперь он ввязался в драку против бейсбольной команды первогодок, ха-ха-ха.

Драка? Я впервые об этом слышу.

— Он вообще-то казался счастливым, когда сказал про отмену утренней тренировки. Только я уверен, он начал что-то, из-за чего теперь его не пускают играть. Отстой, но забавно, — сказал он, понизив голос.

С улыбкой на лице он хлопнул меня по плечу.

Так вот, значит, почему он так рано в классе был. Это катастрофа. Для Яно.

— И когда он собирается ловить его?

— Понятия не имею. Я имею в виду, это ж не настоящий кайдзю.

Не похоже, что я смогу выудить больше информации. Меня немного раздражала эта легкомысленность, но где-то через минуту обдумывания понял, что это его нормальное поведение. Только я здесь вел себя странно.

— Тебя это так сильно волнует, Аччи? — спросил он. — Не говори мне только, что он и тебя подговорил.

— Я не собираюсь проникать в школу.

— Конечно нет - ты слишком серьезно ко всему относишься.

— Это уж точно. Я не такой как ты, Касай.

— Чего?

Внезапно он помрачнел. Такое иногда происходило. Редко, надо сказать, но временами я мог что-то не то сказать Касаю, как счастье на его лице тут же пропадало. Хотя все так или иначе из-за чего-то бесились, но меня нервировало видеть, как это происходит с беззаботным Касаем.

— То есть, э...

Затем он рассмеялся.

— Ах-ха-ха, что это с тобой, Аччи?

Касай улыбнулся шире обычного, хлопнул вновь по плечу, - он заметил страх на моем лице и ему просто показалось это забавным. Я сразу же успокоился.

Когда мы вышли из уборной, мимо нас прошел как раз тот человек, который всегда улучшал настроение Касая. Идеальный момент: как для самого него, так и для меня. Мидорикава шла в кафетерий. Мне казалось, она каждый день брала с собой ланч, но, может, хотела прикупить сок или что-то вроде того.

— Йо, — энергично окликнул ее Касай. — Мидорикава, ты за перекусом?

Несмотря на его энтузиазм, она лениво повернулась, ничуть не удивленная. Она кивнула и ответила простым: «М-м».

Любой нормальный человек в ответ, скорее всего, спросил: «А что насчет вас двоих?». Но ожидать что-то подобное от Мидорикавы можно было чуть ли не до захода солнца. Касай, может, понял это или просто захотел завести разговор, продолжил говорить. Его голос звучал выше обычного.

— Кстати, Мидорикава, ты слышала? Тут недалеко кайдзю объявился.

Мидорикава склонила голову, не сказав ни слова. Это такой ее способ сказать «нет». Периодически я начинаю думать, будто ничего кроме «М-м» она сказать не может, но, когда учителя спрашивают ее, она всегда отвечает должным образом.

— Кайдзю появляется здесь ночью. Честно говоря, я совсем этому не верю.

— М-м.

— Хотя кое-кто говорит, что видел его. Тебе интересны такие темы, Мидорикава?

— М-м.

— Воу, серьезно? Удивлен, ах-ха-ха. Ну тогда, если услышу еще что-нибудь, дам тебе знать.

— М-м.

— В любом случае, мы пойдем погоняем в футбол. Прости, что задержали.

— М-м.

Быть может, ее ответ означал «Да, задержали». Она кивнула и, как бы обозначая конец разговора, повернулась и ушла. Довольно грубо, но Касай все лыбился, находясь в приподнятом настроении, так что, наверное, все в порядке.

Мы с Касаем наконец пошли ко входу. Остальные ребята уже начали играть.

— Давай уже, быстрее! — поторопил меня он, что было дерзко с его стороны, учитывая, что сам стал причиной задержки.

Мы быстро дошли до шкафчиков для обуви нашего класса и обнаружили возле них кое-кого.

— О, здрав, Накагава. Обычно тебя не увидеть снаружи.

Касай открыл шкафчик и заговорил с ней, возможно, не видя, что держала Накагава сейчас в руках. Я вот увидел и понял, почему она стояла здесь. Может, именно поэтому, когда наши взгляды встретились на одну секунду, я отвел свой.

— Вы идете в футбол играть? — спросила Накагава, не заботясь, что ее поймали.

— Ага. Что насчет тебя?

Вот тогда-то, напяливший спортивную обувь Касай посмотрел на девушку и все-таки заметил, что она держала в руках.

— О, какого черта?!

Накагава засмеялась. Она держала пару обуви, обернутую в чистящую тряпку, вместе с ножом для резки картонных коробок.

— Мне подумалось, настал час небольшой расплаты, — игриво проговорила она, поглядывая то на меня, то на Касая.

Я снова отвел взгляд.

— А, так это ее? — спросил я.

— Абсолютно верно!

Накагава, казалось, была вне себя от радости от моего уточнения. Словно принцессу хвалили ее поданные на глазах у прекрасного принца.

Полагаю, она уверена, что виновник — Яно. Я обдумывал эту убежденность, которая захватила, наверное, весь наш класс, а Касай озвучил многозначительное: «О?».

Взгляд Накагавы тут же перевелся на него.

— Так что, ты уверена, да? — спросил он.

— Хм?

— Ты уже выяснила, что именно она испортила твою обувь? — невинно произнес он слова, которые я бы сказать никак не смог.

Ее губы сжались в тонкую линию.

— Ну, доказательств нет, но так ведь это очевидно, разве не так?

Доказательств, а? Похоже, в наши дни много кто любит играть в детектива.

Не так уж странно прийти к такому заключению, особенно учитывая произошедшее с Игучи. Так я думал, но вот Касай не выказывал согласия с ней.

— И это значит, что скоро они появятся, да?

Сомневаюсь, что Накагава ожидала подобный ответ. Чего уж там, он удивил даже меня. Пусть сам Касай никогда этого прямо не демонстрировал, думаю, он испытывал глубокую ненависть к Яно. Только причина его гнева отличалась от остального класса: не из-за стадного мышления, чувства единства или справедливости. Просто она причинила боль человеку, к которому он был равнодушен. Вот почему он безразлично относился к поступкам остальных.

Несомненно, Накагава никогда даже не думала, как ее будет отчитывать одноклассник за нечто, готовящееся против Яно... и особенно сам Касай.

— Д-да, думаю, ты прав, — пробормотала она с улыбкой, которая, впрочем, не достигла глаз.

Она бросила обувь Яно, прошла мимо нас и ушла.

«Похоже, ей было стыдно», — подумал я, пока смотрел ей в спину.

— Лады, пойдем уже, — сказал Касай.

— Ага.

Я шел позади него и мысленно благодарил его - не за сохранность обуви Яно, а за то, что прогнал Накагаву.

Честно говоря, мне она никогда особо не нравилась. Возможно, красивая внешность придавала ей уверенности, но она была из тех людей, что без колебания тешились над всеми, кто по статусу был ниже. Еще до того, как класс единогласно невзлюбил Яно, Накагава разговаривала с ней льстивым голосом, а затем высмеивала ее манеру речи в кругу подруг. Более того, Яно стала не единственной ее целью: насмешки летели в сторону Игучи и остальных бесхарактерных одноклассников.

Тем лучше, ее осадил никто иной, как Касай, который, по ее мнению, занял довольно высокую позицию. Хорошо, если это ее все-таки задело, — будь то из-за отсутствия морали или потому, что поспешила с выводами.

Мне стало даже как-то спокойнее на душе, когда всплыл образ дрогнувших глаз Накагавы, несмотря на ее бравату.

И в то же время я понял, насколько глупо желать боли кому-то другому. Вместо этого я буду надеяться, чтобы молитвы Касая — жизнерадостного и эмоционального, но со стойким наличием здравого смысла — услышали — таки остальные. Другими словами, чтобы Мидорикава немного улучшила свои коммуникативные навыки.

День закончился без громких происшествий. Единственное, во время занятия на Яно высыпали меловую крошку, а потерянный велик Такао нашелся в реке неподалеку.

<http://tl.rulate.ru/book/56402/1462312>